

Демон

Однажды в самую светлую ночь в Петербурге, на Петербургской стороне, сидел за письменным столом чиновник лет сорока пяти. Сальная свеча, которая совсем была не нужна, но которую он в жару трудолюбия не вздумал потушить, до того нагорела, что из ее светильни составилась черная шапка, похожая на подстриженную березу. Андрей Иванович был или не довольно образован, или не довольно богат, чтоб употреблять воск, и вместе с тем имел, видно, в душе столько благородства, что не жалел сала. Небольшая комната служила ему кабинетом. Она была чище подъяческих кабинетов во всей остальной России. Сверх того, некоторые предметы показывали, что ее хозяин не все купается в чернилах, не всегда занят делом; но позволяет себе наслаждаться жизнью, разнообразить свои занятия, чувствует потребность просвещения и жажду поэзии. Особенно же кидалось в глаза то, что он, по счастью, не читает ничего на иностранных языках, а питается все произведениями родной почвы; следовательно, находится в благополучном состоянии турка, который не видит чужих жен. Хорошенькая Александровская колонна из бронзы, несколько литографий российской работы, один номер какого-то журнала, два-три тома каких-то повестей и соловей в клетке удовлетворяли тут прихотям ума и сердца. Несмотря на такой прибор комнаты, нельзя, однако ж, не упрекнуть просвещенного чиновника. Колонна, литографии и соловей были, разумеется, куплены; книги же, судя по разрозненным частям, взяты на подержанье: патриархальное обыкновение, которое сохранилось во всей своей чистоте не только у чиновников, но и у людей более прихотливых, более богатых, более испорченных в других отношениях общественными пороками образованности: никто не попросит поносить вашего платья, и всякий хватает почитать вашу книгу. Я было забыл самое главное украшение кабинета – кипу деловых бумаг.

Таким образом, куда Андрей Иванович ни обертывался, везде перед ним свое, родное: книга русского писателя, картинка русского художника, процесс русского суда и соловей русской роши. Он сидел в халате и все писал. Только скрыл его пера нарушал тишину комнаты и Петербургской стороны. Нигде освещенного дома, нигде съезда карет. Запоздалый пешеход мог спокойно добраться до своего жилья. Ему не попадались навстречу цельные стекла и в них миллионы свеч, ленты, мундиры, женские прически; ни в одном окне не было ничего возмутительного, ничего такого, что заставляет прохожего повесить голову или поднять ее гордо.

Прекрасная ночь и тусклое мерцанье огня бросали фантастический свет на утомленное лицо Андрея Ивановича. Усталость клонила его. Рука работала усердно, но без этой работы, без этого движения мысли, которое раздражает тело, придает ему бодрость, делает человека ночью умнее, жизнь приятнее, а сон ненужным. Серые глаза, не оживленные разумным трудом, волнениями души, едва смотрели: то раскрывались, как в испуге, то мало-помалу слипались опять. На полных щеках не играл болезненный румянец бессонницы. Они были бледнее обыкновенного. Андрей Иванович не бегал по комнате, не тер себе лба, не раскидывался на спинке кресел, не ломал рук, а все сидел, не разгибался и писал, – сонный, терпеливый, полезный, добродетельный!.. Без локуры волосы с проседью лежали в том же порядке, в каком были приглажены поутру. Шумный день столицы и морской ветер промчались мимо, не пошевелив ни одного во лоска.

Чья судьба решалась под рукой темного человека, в краю дешевых квартир, при свете чудной ночи и сальной свечи?